

М. А. САЛМИНА

К вопросу о происхождении „Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы“

Когда обращаешься к рукописям или изданиям¹ одного из сказаний, посвященных основанию Москвы, известного в литературе под названием «новеллы», или «Повести, об убиении Даниила Московского», некоторое недоумение вызывают обычно конец повести и особенно ее начало. «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», так будем называть эту повесть,² начинается летописным вступлением: «В лето 6789 (или 6889), месяца октября, в 29 день, по Владимире князе во Володимере граде державствовал князь Андреи Александровичь, а в Суздале граде державствовал князь Данило Александровичь Невского». Только после этой летописной заметки следует текст самой повести. Кончается же она рассказом о правлении Ивана Калиты, приходе митрополита Петра в Москву и поставлении его в московские митрополиты — рассказом, далеко ушедшим уже за рамки повествования о начале Москвы.

На вопрос, почему повесть имеет именно такое начало и конец, трудно было бы ответить, если бы не летописец³ одного из принадлежащих ГИМу сборников, в котором оказался текст интересующего нас памятника.

Сборник известен под шифром: ГИМ, Музейное собр., № 3996. Кроме летописца, в состав сборника входит еще ряд статей: Житие Петра и Февронии Муромских, Житие Алексея, человека божия, Повесть о Святогорском монастыре, зовомом Иверский, и др.

Сборник в 4^о, писан скорописью одной руки (за исключением нескольких листов), на 295 лл. Этот сборник тщательнейшим образом описан М. В. Щепкиной (рукописное его описание находится в ГИМе), которая на основании палеографических данных относит его к первой половине XVII в. (филиграни 30—40-х годов XVII в.).

Летописец находится на лл. 160—273. Начала он не имеет. События излагаются в нем с момента распространения христианства (приход апостола Андрея на Днепр) по 1583 г. — взятие донскими атаманами Сибири.

Все известия, упоминаемые в летописце, изложены кратко. Иногда сообщается только дата смерти названного в нем лица. Наряду с краткими заметками о каком-нибудь событии встречаются в нем и повести,

¹ См., например, текст, изданный М. Н. Тихомировым в «Древней Москве» (М., 1947, стр. 216—222) и переизданный в «Русской повести XVII века» (Гослитиздат, 1954, стр. 74—81).

² Обоснование этого заглавия будет дано в другой работе.

³ За указание этого летописца и за любезное предоставление описания этой рукописи приношу М. В. Щепкиной глубокую благодарность.

как например, Повесть о знаменях от Новгородской иконы богородицы, Повесть о пришествии Владимирской иконы, Повесть об убиении Бориса и Глеба и др. Многие даты, имеющиеся в летописце, неверны.

Среди источников, использованных летописцем, была, по-видимому, житийная литература (жития Авраамия Ростовского, Зосимы и Савватия Соловецких и др.) и литература сказочно-легендарного характера. Так, под 7063 г. помещена сказочная повесть о взятии Иваном Грозным Смоленска, а в житии митрополита Алексея появился любопытный отрывок, рассказывающий об «искушении» Алексея царем Бердебеком: поданную царем к столу на блюде кобылью голову Алексей «прекрестив своею рукою», «и бысть на блюде щучья глава и кушающе преподобный и вси суции с ними».

Летописец производит впечатление неофициального. В нем встречается много просторечных слов, имеются обороты фольклорного происхождения, что отмечено в описании М. В. Щепкиной. Для летописца характерна одна черта, из-за которой М. В. Щепкина называет его летописцем типа краткой Степенной книги, и вот какая.

Весь материал в летописце расположен в порядке родословия великих князей, причем, как и в Степенной книге, параллельно с упоминанием о том или ином князе называются и лица духовные, жившие при этом князе или связанные почему-либо с его именем. Так, говорится о Ярославе Мудром — называется имя Антония Печерского, с именем Андрея Боголюбского связывается открытие мощей Леонтия Ростовского, Иван Калита упоминается вместе с митрополитом Петром, а князья Дмитрий Иванович и Василий Дмитриевич вместе с митрополитами Алексеем, Пименом, Киприяном и т. д. Однако о полном сходстве с реальной Степенной книгой не может идти речи: текст летописца не совпадает с текстом какой-либо из известных степенных книг; можно говорить лишь о сходстве в построении: материал в летописце располагается так же по степеням великокняжеского рода.

С л. 189 об. в летописце следует текст, совпадающий с текстом «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы».⁴ Благодаря нахождению изучаемого текста именно в этом летописце становится возможным объяснение начальных строк повести, считавшихся исследователями ее (исключая М. Н. Тихомирова)⁵ принадлежащими ей, а также конца повести с митрополитом Петром.

«Рассказ о начале Москвы» открывает собой в летописце княжение владимирского князя Андрея, сына Александра Невского. Начинается он со слов: «И почему было Москве царством быть, и хто то знал, что Москве государством сыть». Строки под 6789 г., которыми начинается повесть, в отдельных списках оказываются на самом деле не принадлежащими ей. «В лета 6789, месяца октября 29 день» — это в летописце дата смерти Авраамия Ростовского, житие которого предваряет повесть (дан эпизод из жития о клевете на Авраамия Ростовского). 29 октября действительно день смерти Авраамия Ростовского (см.: ВМЧ, октябрь, дня 29. СПб., 1880, стлб. 2025). Что же касается 6789 г., то его происхождение в летописце пока не ясно.⁶ Последующие за датой строки: «По

⁴ Называем его в дальнейшем «рассказом о начале Москвы».

⁵ Текст этот в летописце известен М. Н. Тихомирову — М. Н. Тихомиров: 1) Древняя Москва, стр. 13, 211, 2) Сказания о начале Москвы. — Исторические записки, № 32. М., 1950, стр. 236.

⁶ Год смерти Авраамия Ростовского не известен. В исследовательской литературе существуют различные точки зрения на то, когда жил Авраамий; годы его жизни относят к XI, XII и XIV вв.

Володимере же князе в Володимере граде державствова князь Андрей Александрович, а в Суздале граде державствова брат его князь Данило Александрович Невскаго», являются связующим звеном между житием и летописным «рассказом о начале Москвы».⁷

Благодаря летописцу находит свое объяснение и конец повести в отдельных списках.

Начало «рассказа о начале Москвы» в летописце определяется сразу, конец же его сразу не обнаружить, так как четкой границы, отделяющей рассказ от остального текста летописца, нет; записи в нем сливаются одна с другой. Так, после известия об основании князем Андреем Москвы летописец сообщает о его смерти, затем переходит к правлению в Москве Ивана Калиты, приводит пророчество митрополита Петра, говорит о поставлении его в митрополиты московские, сообщает о смерти его и Ивана Калиты. Далее летописец переходит уже к княжению Ивана Ивановича.

И все же окончание «рассказа о начале Москвы» в летописце определить можно.

Выше говорилось уже об одной особенности летописца: автор его стремится расположить материал по великим княжениям. Начало «рассказа о начале Москвы» в летописце совпадает с известием о вокняжении во Владимире князя Андрея. Следует думать, что и конец рассказа надо искать в пределах княжения этого же князя.

Княжение Андрея оканчивается известием о построении им в 6799 г. Москвы. Дальше говорится о передаче им престола Ивану Калите. И вместе с тем это известие — первое, которым мог бы закончиться рассказ. Его и следует считать концом повествования. Отрывок, рассказывающий о построении Москвы и оканчивающийся фразой «и оттоле нача именоватися и прославися град той Москва», логически завершает историю о создании столицы. Здесь имеется уже и ответ на поставленный в начале вопрос — «почему было Москве царством быть». В этом отрывке еще упоминаются «те красные села по Москве-реке», о которых шла речь вначале. В последующих же известиях летописца, идущих под знаком правления великого князя Ивана Даниловича, ничего от «рассказа о начале Москвы» уже не встретить.

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», так же как и летописный «рассказ о начале Москвы», в своем изложении доходит до известия об основании князем Андреем столицы. Но текст его на этом известии не прерывается. Он продолжен дальше, причем известия его в этой последней части оказываются повторениями записей

⁷ «По Володимере же князе» означает следующее. Владимир — это князь владимирский, который упоминается в предшествующем «рассказу о начале Москвы» эпизоде из жития Авраамия Ростовского. Эпизод этот помещен автором летописца в правление некоего владимирского князя Владимира Ярославича, княжившего, по летописцу, после Александра Невского и названного здесь его братом. На самом деле у Александра Невского брата с таким именем не было. По-видимому, дело обстоит так. Автору нужно было поместить в летописец отрывок из жития Авраамия Ростовского. Но куда? Из жития Авраамия он знал только, что тот жил при ростовском князе Борисе, в то время когда Ростов, как следует из жития, находился под властью владимирского князя. Это могло быть в XII—XIII вв. В этом промежутке времени среди ростовских князей встречается только один князь, по имени Борис, живший во второй—третьей четверти XIII в. Но в житии упоминается еще владимирский князь Владимир, правивший, по житию, одновременно с Борисом. Князя с таким именем во Владимире в третьей четверти XIII в. не было. Во Владимире в это время правил род Ярославичей: Ярослав и Василий — братья Александра Невского (см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. I. СПб., 1889, стр. 40). Но житие надо было поместить в летописце в этот определенный промежуток времени. И автор для того, чтобы достигнуть полной согласованности в именах, делает одного из Ярославичей Владимиром.

летописца о правлении Ивана Калиты, вплоть до сообщения о поставлении Петра в митрополиты московские.

Становится очевидным, что прототипом сказания был «рассказ о начале Москвы» этого или родственного ему летописца.⁸ Но при переписывании рассказа в начале и в конце были прихвачены известия, к нему не относящиеся.

Почему же переписчик не остановился на естественном конце рассказа?

После известия о построении Москвы летописец говорит о правлении в Москве Ивана Калиты и о приходе в Москву митрополита Петра. В «рассказе о начале Москвы» имя малолетнего Ивана уже упоминалось дважды. Поэтому переписчик мог посчитать известия об Иване Калите за известия, также относящиеся к рассказу. Но Иван Калита считался и первым «московским и всея Руси государем». Пророчество же митрополита Петра, первого «московского и всея Руси чудотворца», прославляло и возвеличивало столицу. Фраза «и оттоле назвася и прославись царствующий град Москва и всеа Росии и благоверный великий князь Иван Данилович⁹ Московский и всеа Росии» давала концовку. Все же последующие известия летописца уже никакого отношения к сказанию иметь не могли.

Итак, летописец, находящийся в сборнике ГИМа (Музейное собр., № 3996), дает возможность понять, каким образом появилась и получила затем распространение одна из древнерусских повестей, посвященная истории создания Москвы.

По-видимому, составлялась краткая история Руси и при ее написании была сделана попытка объяснить историю создания столицы.¹⁰ Рассказ носил легендарно-сказочный характер, и хотя он и выделялся ярким пятном, но подходил под общий стиль летописца.¹¹

«Рассказ о начале Москвы», по-видимому, понравился древнерусскому читателю и был выписан из летописца, выписан механически вместе с не относящимися к нему записями. В дальнейшем он распространялся в многочисленных списках, подвергался неоднократным переработкам, но начало и конец в этих списках продолжали сохранять следы этой выписки.¹²

⁸ Хотя летописец этот известен только в одном списке, текст его не кажется первоначальным. В тексте имеются искажения, явно принадлежащие переписчику.

⁹ В «рассказе о начале Москвы» в летописце вместо «Иван Данилович» стоит «имя рек».

¹⁰ Вопрос о том, использовал ли при этом составитель летописи какой-то рассказ, уже до него существовавший в письменной традиции, или он сам сочинил этот рассказ на основании устных легенд и преданий, остается пока нерешенным. Как самостоятельное произведение рассказ известен до сих пор только через передачу летописца.

¹¹ О стиле летописца будет сказано в другой статье.

¹² Кроме высказанных соображений, первоначальность летописного текста памятника подтверждается текстологическим анализом всего текста произведения в отдельных списках.